

Сердца трех

«Жюль и Джим» — это автобиография аскетичного аморализма. Родившийся в 1879 году и написавший ее на старости лет Анри-Пьер Роше был богемой прекрасной эпохи, а также ее слома, и еще одного слома, и еще одной прекрасной эпохи, так что эта книга обладает двойной-тройной выдержкой: благодаря экранизации Франсуа Трюффо мы привыкли сверять по ней дух французских шестидесятых, хотя корни ее уходят в совсем иное прошлое, к Дюшану, Пикассо, Сати, Бранкузи, Пикабия и другим наперсникам писателя. Стиль Роше отчасти напоминает «Двойной шпагат» его младшего современника Жана Кокто (вплоть до эпизодов с эфиром). «В ней сидел уличный бес. Она ничуть этого не стыдилась» — эти фразы вполне могли бы оказаться в «Жюле и Джиме».

О строгой привязке книги ко времени как раз и предупреждал Трюффо: «Думаю, “Жюль и Джим” имеет значение только для эпохи, в которой развивается действие, хотя и в наши дни женский вопрос весьма популярен». Указанный вопрос тут, что и говорить, поставлен ребром. Женщина рулит, решает

и доминирует — даже на уровне телесного контакта: «Впервые Джим увидел неподвижную и холодную Кате и отдался ей неохотно». Или — еще нагляднее: «Выбирала Кате, и она скорее брала себе любовников, чем отдавалась им».

По факту герои «Жюля и Джима» вытворяют такое, что дадут сто очков вперед иным персонажам Генри Миллера, но сам текст Роше при этом не в пример строг и на удивление несластолюбив: тут скорее тропик рока, в нем почти нет гедонизма. Секс напоминает подвижничество — не случайно Жюль называет любовь наказанием, которое люди применяют к себе. Всякое объятие фатально — поэтому для любовного акта у Кате выработан эвфемизм «совершать непоправимое». Тут определенно слышны набоковские ноты («Марфинька нынче опять это делала»), но там, где у Набокова плохо скрываемая гадливость, Роше по обыкновению невозмутим, как и положено большому коллекционеру искусства: «Шесть лет спустя он чуть ли не на глазах у Жюля стал любовником Кате. Но разве могли они на него за это сердиться?» Любовный треугольник «Жюля и Джима» — это в первую очередь геометрическая фигура, и любые чувства и страсти обязаны конвертироваться в вершины, стороны и углы, а возбуждение кроется в условной равнобедренности. Поэтому, собственно, Кате и считает измену не более чем способом «восстановить равновесие», а в другом месте происхождения героев называют эквилибристикой.

Трюффо идеально перенес эту геометрическую сдержанность и отстраненность на экран. Он вспоминал:

«В картине “Жюль и Джим” важно было не допустить, чтобы героиня превратилась в эту очаровательную гадину, которой все дозволено... Чтобы не вызывать излишнюю симпатию к героине Жанны Моро, я сделал ее чересчур жесткой». Кажется, этого опасался и Роше, в свою очередь наделив ее вампирскими чертами (и это, пожалуй, единственные фрагменты романа, где ему слегка изменяет идеальный вкус коллекционера). Этот образ повторяется с приторной навязчивостью: «она была в его сердце, она пила кровь», «она с наслаждением купалась в красной крови его сердца», «он вспоминал Кате, какой она была вначале, еще не знавшей вкуса крови», «Кате казалась Джиму великолепным кровавым идолом рядом с ним», «архаическая улыбка питается молоком... и кровью. Губы Кате были созданы для того и другого».

Роше пишет: «Кате прежде говорила: “Любишь по-настоящему всего минутку”. Эта минутка все возвращалась». Это напоминает мысль Ларисы Рейснер, записанную Шкловским: «Но любовь, как сказала мне Лариса Рейснер, — пьеса с короткими актами и длинными антрактами. Нужно уметь вести себя в антрактах». По большому счету, «Жюль и Джим» — это и есть роман о том, как мужчины умеют (ок, предположительно должны уметь) вести себя в этих антрактах. Собственно разврат здесь соседствует с благородством в духе лирики Григория Поженяна (герои «Жюля и Джима» тоже, к слову, фронтовики) — «ну а случится, что он влюблен, а я на его пути, уйду с дороги, таков закон: третий должен уйти». Другое дело,

что третьему «уйти» невозможно, попросту не дано: чтобы треугольник превратился в прямую линию, уйти должны двое, причем за горизонт. Но пока все живы, речь идет лишь о нарастающей близости по всем фронтам: «Жюль и Джим, которым изменила Кате, еще больше сроднились». А с другой стороны, в дидактике страсти французская богема тут отчетливо перекликается с Серебряным веком, а конкретно с розановскими соображениями о том, что измена есть самоисцеление любви.

Это роман о некоем дистиллированном мужском начале, без нелепого мачизма (хотя насилие над женщиной тут вполне присутствует, чего уж там) и прочих вульгарностей (язык не поворачивается рассуждать о рогоносцах и подкаблучниках, хотя вроде бы речь именно о них, — а не поворачивается он потому, что все это изложено совершенно иным благородным наречием, на котором изъясняются люди, умеющие вести себя в антрактах — впрочем, умеющие не всегда, к вопросу о насилии). Об истинных муках ревности мы можем только догадываться — например, когда перед гибелью Джим видит Кате в луче света и ему кажется, что к ней все еще тянутся руки любовника. При этом Роше не утомляет играми подсознания; хотя Фрейд однажды и появляется на страницах, любая психология здесь скорее вышучивается: «Вы с Жюлем — отличные психологи! — сказала Кате. — Пишешь им все черным по белому, они читают, не понимая, и перемигиваются с видом знатоков».

Герои Роше, в сущности, безлики и почти прозрачны (несмотря на свою плотскую гиперактивность).

Мы мало что знаем о них, и их физический облик остается смутным, даже когда одному из героев делают эпиляцию. Несмотря на то что герои постоянно что-то пишут, мы больше в курсе их сигар, нежели сочинений. «Жюль писал прекрасную книгу» — этого так же достаточно, как и описания «совершенно голая». Однако, избавляя нас от литературных формальностей, Роше взамен одаривает филигранной точностью суждений и живейшим течением мысли. Роман опубликовали в 1953 году, Роше уже было за семьдесят, и его возраст хорошо считывается — это проза человека, которому человеческие личности уже не так интересны (как, впрочем, и исторические события — о Первой мировой в романе сказано меньше, чем о прыжках героини нагишом то в Сену, то в снег, то в датское море), а вот обобщенных мыслей по их поводу скопилось слишком много. Писатель должен быть старым, как справедливо подмечала Холли Голлайтли, которая, наверное, сама могла бы быть персонажем подобной книги, тем более что «Завтрак у Тиффани» вышел всего через пять лет после «Жюля и Джима». Но нет, конечно, не могла бы. Холли как раз слишком очаровательна и предсказуема в своей непредсказуемости, а Роше выписывал совершенно иной и куда более темный тип.

Гертруда Стайн писала о нем так: «Роше был из той породы людей, какие всегда есть в Париже. Это был очень честный, очень благородный, преданный, очень верный и очень восторженный человек, который всех со всеми знакомил. Он знал всех, действительно всех знал, и он мог познакомить кого угодно и с кем

угодно... Он уже много успел, он бывал в австрийских горах с австрийцами, он бывал в Германии с немцами, и он бывал в Венгрии с венграми, и он бывал в Англии с англичанами. Он не бывал в России, хотя бывал у русских в Париже».

Теперь он вдобавок часть русской словесности, после стольких-то лет почетного бытования на полках в виде VHS или DVD.

Максим Семеляк

I

Жюль и Джим

Жюль и Джим

Это было в 1907 году.

Толстенький коротышка Жюль, приехавший в Париж иностранец, попросил высокого стройного Джима, с которым был едва знаком, провести его на «Бал четырех искусств», и Джим добыл ему приглашение и сводил в костюмерную. И пока Жюль тихонько шарил среди тканей и выбирал себе простой костюм раба, Джим проникся к нему симпатией. Дружеское расположение усилилось во время бала, где Жюль спокойно стоял и только таращил глаза, полные юмора и нежности.

Назавтра у них состоялся первый настоящий разговор. В парижской жизни Жюля не было женщины, а ему хотелось, чтобы она была. У Джима женщин было много. Он познакомил Жюля с молодой музыкантшей. Поначалу все вроде бы складывалось хорошо. Жюль на неделю слегка в нее влюбился, она в него тоже. Потом Жюль решил, что она слишком рассудочна, а она сочла его насмешливым и флегматичным.

Жюль и Джим виделись ежедневно. Порой они засиживались допоздна, обучая друг друга каждый своему языку и знакомя со своей литературой. Они показывали друг другу свои стихи и вместе переводили. Они неспешно беседовали, и ни у одного из этих двоих никогда еще не было настолько внимательного слушателя. Завсегдатаи бара вскоре приписали им противоестественные наклонности, о чем они и не догадывались.

Джим водил Жюля в литературные кафе, где бывали знаменитости. Жюля там ценили, и Джим этому радовался. В одном из этих кафе у Джима была приятельница, хорошенькая разбитная бабенка, которая на попойках держалась лучше поэтов, до шести утра. Она свысока и ненадолго оделяла своей благосклонностью. В любых обстоятельствах оставалась незаконно свободной и сохраняла быстрый и беспощадный ум. Иногда они ходили куда-то втроем. Жюля, которого находила милым увальнем, она приводила в замешательство. Он считал ее замечательной, но боялся. Она познакомила Жюля со своей подружкой-простушкой, но тот и счел ее простушкой.

Так что Джим ничем не смог помочь Жюлю и предложил ему искать самостоятельно. Жюль, возможно, стеснявшийся своего еще несовершенно французского, неизменно терпел неудачи. Дело не в языке, сказал Жюлю Джим.

И преподавал ему основы.

— С таким же успехом вы можете дать мне взаймы вашу обувь или боксерские перчатки, — сказал Жюль, — все это будет мне велико.

Жюль, хотя Джим его отговаривал, обратился к профессионалкам, но удовольствия не получил.

У них оставались переводы и беседы.

Джим едет в Мюнхен

Тем временем мать Жюля, уже в годах, но еще бодрая, приехала в Париж повидаться с сыном. У Жюля прибавилось хлопот. Она придирчиво изучала его белье, требуя, чтобы все пуговицы до единой были на месте. Она водила Жюля и Джима ужинать в лучшие рестораны, но настаивала, чтобы оба были в сюртуках и цилиндрах. Для Жюля это было непросто. Она уехала.

Три месяца спустя, дождливым вечером, Жюль устроил для них в двух своих меблированных комнатах импровизированный ужин. Случайно открыв дверцу изразцовой печи, Джим увидел в топке цилиндр Жюля, без шляпной картонки и закоптелый. «Здесь он мне не мешает, а сажа защищает его», — сказал довольный Жюль. «Я же не ваша матушка», — ответил Джим.

Они ели в маленьких рестораниках. Много тратили на сигары. Каждый выбирал для друга самые лучшие. Они посещали кабаре Майоля и Театр Гэте-Монпарнас, где в то время выступала Колетт.

Жюль много рассказывал Джиму о своей стране и о девушках, которые там жили. Он любил одну

из них, Люси, и просил ее руки, но она ему отказала. Потому он и уехал в Париж. Прошло полгода, и он собирался вернуться, чтобы увидеться с ней.

— Есть и другая, — сказал Жюль, — Гертруда, она ведет свободную жизнь, и у нее прелестный ребенок. Она меня понимает и не принимает всерьез. Вот она.

Жюль вытащил из бумажника фотографию Гертруды: она лежала голая на пляже, окруженная мелкой набегающей волной, ее годовалый сын сидел нагишом на ягодицах матери, как на крепостной стене, глядя в море.

— Есть и еще одна, Лина, и я, может быть, полюбил бы ее, если бы не любил Люси. Вот, смотрите, какая она.

И он неспешно, мелкими штрихами нарисовал ее лицо на круглой мраморной столешнице.

Джим, продолжая говорить, взглянул на это лицо и прибавил:

— Я еду с вами.

— Чтобы их увидеть?

— Да.

— Bravo! — сказал Жюль.

Джим хотел купить этот столик, но хозяин заведения соглашался продать только все свои двенадцать столов разом.

3

Три красавицы

Жюль приехал в Мюнхен, где провел два года с этими женщинами, на неделю раньше Джима, чтобы все подготовить.

Он снял для него две большие комнаты у хороших людей и предупредил о приезде Джима трех своих подруг, настолько по-разному описав его каждой из них, что позже, обмениваясь этими сведениями, они окончательно запутались.

Жюль сразу же, как только Джим приехал, познакомил его с Линой, уже знавшей историю со столиком.

К изумлению Жюля, еще не успев доестъ поданные к чаю пирожные, Лина, прелестная лукавая девушка, и Джим сошлись на том, что:

- а) Джим мало похож на описание, сделанное Жюлем для Лины;
- б) Лина совсем не похожа на рисунок на круглом столике;
- в) они друг другу понравились, но, желая сберечь время Жюля и свое собственное, сообща заявили, что ожидаемой любви с первого взгляда не случится.

— Как я завидую четкости и быстроте ваших реакций... — сказал Жюль.

Что же касается Люси и Гертруды, Жюль явил обеих Джиму одновременно, за ужином в самом современном баре города.

Сбросив вечерние манти, они предстали перед друзьями, такие непохожие между собой, и уселись за стол светлого дерева, на котором вскоре появились скатерть и причудливые бокалы.

Когда Жюль говорил трем остальным, какие нежные чувства к ним питает, на губах его блуждала робкая блаженная улыбка.

За столом царила непринужденность, не было ни малейшего смущения.

— Жюль, как вам удастся, — вслух рассуждал Джим, — соединять таким образом двух женщин, настолько разных и настолько...

Он не договорил, и молчание произнесло за него слово «прекрасных». Обе его услышали.

Жюль раздумывая от удовольствия и хотел было ответить. Гертруда остановила его, подняв руку.

— Жюль — наш наперсник, — сказала она, — и наш режиссер. Воображение у него богатое, а терпение ангельское. Он помещает нас в свои романы. Он утешает нас. Он нас дразнит. Он за нами ухаживает. Он ничего от нас не требует. Он забывает только об одном: о самом себе.

— Какая прекрасная похвала! — сказал Джим.

— И потому, когда он нас зовет, мы приходим, — сказала Люси, слегка приподняв голову.

Жюль в своей забавной манере рассказал о неудаче с Линой, о чем Лина уже поговорила с ними по телефону.

— Разумеется, у Лины с месье Джимом ничего не выйдет, — сказала Гертруда. — Лина — избалованная девушка, месье Джиму такое не нравится.

— А что ему нравится? — спросил Жюль.

— Увидим, — невозмутимо ответила Люси.

Во второй раз Джим поддался чарам ее низкого голоса. Ему как-то неловко было сидеть между этими двумя женщинами, ему хотелось бы все время смотреть на каждую из них.

Это начиналось будто сон.

Вскоре Жюль, используя свои полномочия распорядителя, предложил, чтобы раз и навсегда покончить со всеми этими *месье, мадам* и *мадемуазель*, выпить на брудершафт его любимого вина, а чтобы избежать традиционного и чересчур заметного переплетения рук, выпивая, соприкоснуться ногами под столом: так и поступили. Охваченный радостью Жюль тут же убрал свои.

Ноги Джима надолго остались прижатыми к ступням Гертруды и Люси, которая первой мягко отодвинула свою.

Люси была готической красавицей с удлинненным черепом, она все делала не спеша и наделяла для других каждое мгновение всей полнотой и ценностью, какие придавала ему сама. Ее нос, ее рот, ее подбородок, ее лоб были гордостью провинции, которую она ребенком представляла во время церковного праздника. Она была из богатой буржуазной семьи и училась живописи.

Гертруде было тридцать, она отличалась греческой красотой и атлетическим сложением.

Прирожденная спортсменка, она, не тренируясь, выигрывала лыжные гонки. Она на ходу выпрыгивала из трамвая и тут же с легкостью останавливалась. Всем хотелось пощупать ее мускулы. Ее четырехлетний сын рос без отца. Она не верила в отцов. На жизнь она зарабатывала, когда лучше, когда хуже, своим ремеслом миниатюристики. Она принадлежала к аристократии, но со своим сословием не зналась, а художники уважали ее и заботились о ней.

Вечер тек подобно извилистой реке. Обаяние действовало, начали проскакивать искры. Общим для всех было относительное безразличие к деньгам и ощущение постоянного пребывания в руке Божьей — Гертруда скорее назвала бы ее дьявольской.

Жюль прекрасно говорил. Но к двум часам ночи он стал слишком хорошо разбираться в душах и положениях и, не удержавшись, отпустил несколько вольных шуток. Возможно, высказываясь прилюдно, он отыгрывался за то, на что не осмеливался наедине. Он слегка подшучивал над обеими своими подругами, над собой и чуть ли не над Джимом. Не открыл ли он перед ними врата рая, в которые сам, может быть, и не войдет? Было ли у него такое предчувствие? Он радостно пел хвалу, но теперь к ней примешивались мелкие выпады, и совсем тягостно стало, когда он принялся давать Всевышнему бесконечные советы на счет того, как полностью переделать Творение.

Становилось все очевиднее, что Жюль — чудесный друг, не годный на роль любовника или мужа.

В очередной раз об этом догадавшись, он скрывал это от себя самого за потоком слов.

— Жюль, как всегда, сам себе портит вечер, — с сожалением сказала Гертруда, когда он отлучился, чтобы купить сигарет.

Люси кивнула без осуждения.

Последняя четверть часа прошла под разглагольствования Жюля. Он никому слова не давал вставить и все больше завирался. Всем троим было за него неловко, и у его друзей зарождалось желание снова встретиться без него.

Джим еще не знал такого Жюля, хотя, если подумать, он уже различал намеки на него в их разговорах с глазу на глаз, когда в отсутствие реальной красавицы Жюль воспарял.

Проводив Гертруду и Люси до дверей, Жюль и Джим шли через большой парк. Занималась заря. Жюль успокоился.

— Какая удивительная ночь! — сказал Джим. — Какое смелое сочетание двух этих цветков в букете! Небесная любовь и земная!.. Мне совсем не хочется больше встречаться с обеими, Гертрудой и Люси, одновременно...

— Понимаю вас, — сказал Жюль. — Которая из них сильнее вас поразила?

— Я все еще ошеломлен, — ответил Джим. — Я не спешу это выяснять. А вас, Жюль?

— Я просил руки Люси и повторю свое предложение. Гертруда утешила меня, когда Люси мне отказала. Я повез Гертруду и ее сына на итальянский пляж.

Она предоставила мне себя, но не свою любовь... Видите ли, Джим, когда я встретил Люси, я испугался. Я не хотел отдаваться этой любви. Но, когда мы были в горах, она поранила ногу и позволила мне лечить эту ногу, я менял повязки, и мне хотелось, чтобы она никогда не исцелилась.

— Я знаю эту руку, — сказал Джим.

— А не исцелился я, — продолжал Жюль. — Когда она выздоровела, я осмелился предложить ей себя в мужья. Она сказала «нет», но так мягко, что я все еще надеюсь.

Гертруда

Джим возвел преграду между ним и Люси.

После двухнедельного ухаживания, ставшего благодаря Гертруде героическим и забавным, Джим ее заполучил. Она приходила к нему по вечерам раз или два в неделю и щедро дарила ему себя. При этом она была неистощима на рассказы о своей жизни, которая виделась ей непрерывным поединком с Богом. Победить она не надеялась. Она открывала Джиму весь неведомый ему Север. Она посвящала его в свои проблемы. Они никогда не засыпали, хотя порой у Джима слипались глаза. Ей нравилось, как он ее слушал, но сама она была к нему не так уж внимательна. Она была влюблена в Наполеона, грезилась встречей с ним в лифте, и чтобы он сделал ей ребенка, и чтобы они никогда больше не увиделись.

— Жюль такой милый, — говорила она. — Он понимает женщин как ни один из мужчин, которых я знаю, и все же, когда речь идет о том, чтобы нас взять... он любит нас слишком и недостаточно. Дух и плоть у него преобладают невпопад. Я тщетно пыталась ему помочь. Люси для него — безучастный идол.

Жюль, первооткрыватель и поэт, был бы кротким мужем, но за это пришлось бы расплачиваться.

Ночи Гертруды и Джима заканчивались прогулкой в лесу на рассвете. Они нанимали коляску и ехали за четырехлетним мальчиком, тот садился рядом со стариком-кучером, учился держать вожжи, подгонять лошадей, шелкать кнутом и ругаться, и ветер трепал его светлые волосы.

Затем Джим возвращался домой спать и обдумывать то, что рассказала ему Гертруда.

Жюль узнавал обо всем от Гертруды и от Джима. Жюль виделся с ними все так же часто, но по отдельности. С каждым из них он говорил о другом и на свой лад блаженствовал вместе с ними.

5

Жюль и Люси

Жюль устроил романтическую прогулку по лесам с Люси и Джимом. Он сочинил волшебную сказку. Люси была феей, одну руку она дала Жюлю, другую — Джиму. Это было мило и по-детски. Рука Джима любила руку Люси. Обоих смущала эта внезапная близость. Жюль сиял, и с ним не случилось словесного припадка.

Джим получил маленькую бандероль и слегка удивился, узнав прекрасный почерк, которым был написан адрес. «Я хотела бы увидеться с вами наедине, — писала ему Люси. — Можете ли вы быть у меня завтра вечером, около десяти? Вот ключ от ворот».

В этом городе ворота на ночь запирали, и у каждого жилья был свой ключ.

Джим, в виде исключения пришедший раньше времени, топтался у ворот, теребил ключ в кармане и думал о Люси и о Жюле.

Маленькую гостиную Люси украшала строгая фреска, созданная ею самой. Люси приняла Джима просто.

— У нас ни разу не было случая увидеться без Жюля, — сказала она. — Я хочу поговорить с вами

о нем. Вас связывает дружба, и я хотела бы найти у вас поддержку. Он приедет в мой родной город, надеясь, что я позволю ему просить моей руки у отца. Я ему этого не позволю. Я хотела бы, чтобы вы в это время были рядом с ним... Он не осмеливается просить вас его сопровождать.

— Почему? — спросил Джим.

— Из-за... Гертруды, — ответила она.

— Я буду рядом, — сказал Джим.

Она напоила его чаем. Все здесь — изысканная обстановка, движения Люси, ее голос — дышало спокойной и глубокой традицией, создавало атмосферу задумчивости и смирения перед долгом. Джим понял, до какой степени Жюль нуждался в Люси, даже если оставить в стороне ее красоту. Она никогда не выйдет за него замуж. Хотела ли она, насколько возможно, смягчить его страдания? Они поговорили о нем, о его стихах.

У Люси было несколько стихотворений, которые она только что для него переписала. Невозможно было представить себе рукописи прекраснее этих. Только в момент, когда стихи были в таком виде, Жюль чувствовал, что они родились. Слова, выведенные почерком Люси без спешки и без помарок, без приметной тщательности и без единого изъяна, шли прямо к цели по мелким лощинам коричневой бумаги.

Джим позавидовал Жюлю, когда Люси к тому же облекла одно из стихотворений в свой голос, равный ее почерку. Все в ней было равным.

Зачем Жюль привел его к этому святилищу?

Джим попросил Люси показать ему ее картины. Она это сделала. Они были строгими и гармоничными.

Джиму очень не хотелось уходить. Пробило полночь. Он распрощался с Люси, благоговей перед ней.

Люси вернулась домой. Гертруда уехала в деревню вместе с сыном и другом.

Люси и Джим

Неделей позже Жюль и Джим сидели вдвоем в купе пассажирского поезда, который вез их к Люси: шесть часов пути. Жюль был возбужден, хотя и не утратил своей медлительности. Он рассказал Джиму сон, приснившийся ему накануне.

— Мы с вами осторожно шли по стенам высокого полуразрушенного дома, опасаясь свалиться в колючие кусты. Вы были впереди, я следовал за вами, позади меня шла Люси, я держал ее за руку. Потом — Гертруда и другие. Вы добрались до конца стены. Дальше идти было невозможно. Я остановился, и у меня закружилась голова. Повернете ли вы обратно? Вдруг вы прыгнули, как прыгаете с шестом, но без шеста. Послышались крики. Но вы уже стояли, улыбаясь, на стене напротив, в шести шагах от нашей. И тут я проснулся.

Жюль без всякого перехода прибавил:

— Хотите сыграть в домино?

— Да, — сказал Джим, не любивший эту игру.

Жюль вытащил из своей сумки плоские костяшки домино, подарок матери, и они долго играли. Как

ни старался Джим, Жюль неизменно выигрывал. Оставалось два часа.

И тогда Жюль принялся рассказывать о Люси и о нем с самого начала, какой она была больной и несчастной из-за другого, и как он ее лечил, и как у него понемногу зародилась надежда. Джим с тревогой осознал силу этой любви.

Первый день в этом маленьком городе Жюль посвятил паломничеству, ходил вокруг дома Люси, не приближаясь к нему. Он лишь раз видел этот дом, несколько часов, зимним вечером. Ему хотелось рассмотреть Люси, читающую у окна (вероятно, она никогда там не сидела), и полюбоваться ею издали перед тем, как идти к ней. Они шли между высокими садовыми оградами, по улочкам, поднимавшимся в гору. Они пили чай в беседке, пригнувшись, чтобы Люси их не увидела, и следили за домом, который вскоре оказался не тем. У Жюля в этом сне наяву закружилась голова, дом был повсюду. Они шагали, обливаясь потом.

Назавтра они нашли дом на его месте, в конце ровной, широкой и белой аллеи посреди парка. Джим был представлен ореолу седых волос — это был отец Люси, говорливый старик. Она скромно держалась позади него. Все дышало порядком и ясностью.

Люси забронировала для Жюля и Джима две большие комнаты в бревенчатой гостинице за городом, на прелестном холме, откуда был виден ее дом. Можно было, вооружившись биноклем, подавать друг другу знаки.